

М.Л. Рогацкина
M.L. Rogatskina

**ТЕМА НАПОЛЕОНА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. А. БУНИНА**
**THE THEME OF NAPOLEON
IN THE ART WORLD I.A. BUNIN**

В статье рассматривается, как тема Наполеона реализуется в художественном мире И.А. Бунина. Были исследованы: лирика, художественная проза, публицистика, философский трактат «Освобождение Толстого», письма, дневники. Выявлено, что тема Наполеона редко встречается в художественном мире писателя. При этом она все же появляется и играет важную роль, отражая мировоззрение Бунина. Тема Наполеона возникает в дневниках, в «Окайных днях», очерке «Эртель», в «Освобождении Толстого», в повести «Суходол», рассказе «Ворон». Французский император у Бунина предстает как амбивалентная личность. С одной стороны, он необыкновенный человек, который остро чувствует обреченность, он и символ войны, и сильная рука, которая способна обуздать анархию. С другой стороны, Наполеон является примером тяжести земной плоти, несовершенства земного человека.

The article examines how the theme of Napoleon is realized in the artistic world of I.A. Bunin. The following were studied: lyrics, fiction, journalism, philosophical treatise “The Liberation of Tolstoy”, letters, diaries. It was revealed that the theme of Napoleon is rarely found in the writer’s artistic world. At the same time, she still appears and plays an important role, reflecting Bunin’s worldview. It appears in diaries, in “Cursed Days”, the essay “Ertel”, in “The Liberation of Tolstoy”, in the story “Sukhodol”, the story “The Raven”. Napoleon appears as an ambivalent personality. On the one hand, he is an extraordinary personality who acutely senses doom, Bunin’s Napoleon and a symbol of war, a strong hand that can curb anarchy. On the other hand, Napoleon is an example of the heaviness of earthly flesh, the imperfection of earthly man.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Наполеон, публицистика, «Освобождение Толстого», письма, дневники, «Суходол», «Ворон».

Keywords: I.A. Bunin, Napoleon, journalism, “Liberation of Tolstoy”, letters, diaries, “Sukhodol”, “Raven”.

Бунина привлекали люди, глубоко чувствовавшие обреченность человека на смерть. Наполеон, с точки зрения писателя, принадлежал к этому типу людей.

Была поставлена цель — реконструировать семантическую структуру темы Наполеона в творчестве Бунина, определить ее место в мировоззрении и художественном мире писателя. Материалом исследования стали художественные произведения, опубликованные в собрании сочинений (11-томник 1934–1936 гг.)¹, книга «Окайяные дни» (изд. 1935 г.)², «Освобождение Толстого» (изд. 1937 г.)³, книга «Темные аллеи», Письма 1885–1904 гг.⁴, Письма 1905–1919 гг.⁵, публицистика 1918–1953 гг., Дневники («Устами Буниных...»).

Исследование показало, что тема Наполеона относится к редким. Так, в изученных письмах Бунина она не представлена вообще, не появляется она и в лирике. Однако имя Наполеона все же возникает на протяжении всего творческого пути писателя. Впервые она возникает в 1911 г. в повести «Суходол», это единственное упоминание темы Наполеона в дореволюционный период. Все остальные случаи появления имени Наполеона связаны с послереволюционным периодом: 1918–1919 гг. («Окайяные дни»), 1924 г. (дневниковая запись), 1937 г. («Освобождение Толстого»), 1942 г. (дневниковая запись), 1944 г. (рассказ «Ворон»).

Весь материал исследования был условно разделен на три блока: 1 блок — «Дневники» (1924, 1933, 1942), 2 блок — публицистика и философская проза («Окайяные дни» (1918–1919), «Эртель» (1920), «Освобождение Толстого» (1937)); 3 блок — художественная проза (повесть «Суходол» (1911), рассказ «Ворон» (1944)).

Рассмотрим подробнее.

1 блок — «Дневники» (1924, 1933, 1942). В дневниках имя Наполеона представлено всего три раза — запись от 1924 г. (10/23 августа), запись от 1933 г., запись от 1942 г. (6 мая, среда).

Так, в дневнике Бунина от 10/23 августа читаем: «Истинно дивное небо! Все точно увешано золотыми цепями, созвездиями. Над горой направо, высоко — совершенно золотой серп месяца, ниже, под ним, грозное великолепие Ориона, а над ним, совсем в высоте, — стожар. Направо, почти над седловиной Наполеона над горой крупной золотой звездой садится Марс»⁶. С одной стороны, в данной записи возникает традиционная для Бунина реалистичная зарисовка звездного неба, подобными наполнены его дневники и произведения. С другой стороны, известно, что Бунин придавал огромное значение звездной символике. Звездное небо в его творчестве — это

проекция земного мира на небо. Писатель считал, что после смерти человека его душа переходит в звезду. В начале XIX в. созвездие Орион хотели переименовать в созвездие Наполеон. На некоторых звездных картах можно было встретить это название, однако астрономы не поддержали такого переименования.

Бунин, который прекрасно знал все созвездия, сочетая в одном описании два названия одного созвездия: «Орион» и «Наполеон», тем самым проводит параллель между ними, признавая величие и значимость для вечности и истории личности Наполеона. В контексте рассказа созвездие Наполеон соотносится со звездой Марс, как известно, названной так в честь древнеримского бога войны. Она не входит в созвездие, хотя находится недалеко от него. Бунину, вероятно, было важно подчеркнуть связь Наполеона и Марса. Таким образом, Наполеон здесь — это служитель бога войны, его значимость для вечности отмечена тем, что его образ запечатлен на небесах, его функция в земной жизни — война.

В дневниковой записи от 1933 г. читаем: «За последнее время опять — в который раз! — перечитал „Анну Каренину“ и „Войну и мир“. Нынче кончил почти четвертый том — осталась последняя часть „Эпилога“. Про Наполеона неотразимо. Испытал просто ужас, *и до сих пор обожествлен!*»⁷.

В 4 томе «Войны и мира» Толстой говорит о том, что «историческая личность» не влияет на ход истории, более того, сама находится под воздействием Высшей Силы, которая и есть единственная причина всех причин. Затем Толстой развенчивает личность Наполеона, указывая на ничтожность его поступков, мыслей и т.п. Известно, что Бунин не один десяток раз перечитывал роман Толстого, однако именно в этот раз он так потрясен образом Наполеона, что фиксирует это в дневнике.

И, наконец, 6 мая 1942 г. Бунин отмечает: «Читаю „La memorial de Sainte Hélène (Conte de la Cases)“. Чувствую и себя на S. Hélène. Страшно, что он должен был чувствовать. А все-таки жил, диктовал, упивался прежней славой, надеялся <...>⁸». Бунин здесь проводит аналогию между судьбой Наполеона и своей — оба изгнанники, одинаково чувствующие. Здесь сквозит отношение Бунина к Наполеону как к человеку, которому присущи такие свойства как отчаяние, стремление и привязанность к земной жизни (надежда, слава).

Примечательно, что появление имени Наполеона в дневниках в ряде случаев прямо или косвенно обусловлено связью с другими людьми и с чтением книг. Так, запись от августа 1947 г. вызвана,

вероятно, общением с Д.С. Мережковским, который был увлечен Наполеоном. Так, в дневниковой записи от 15 августа 1947 г. Вера Николаевна Муромцева-Бунина записывает: «День рождения Наполеона и Дмитрия Сергеевича. Сколько раз проводили этот день вместе <...>. Может быть, Дмитрий Сергеевич и любил так Наполеона, что родились они в один день»⁹. Соответственно, дневниковая запись от 1933 г. связана с чтением Буниным «Войны и мира» Толстого. И, наконец, дневниковая запись от 6 мая 1942 г. связана с чтением мемуаров Наполеона.

Таким образом, в дневнике Бунина Наполеон предстает как человек войны, отмеченный на небесах. Он потрясает своим человеческим земным ничтожеством, и в то же время нельзя не признать, что он обожествлен. При этом, Наполеон — страдающий человек, обреченный на отчаяние, изгнание, но продолжающий любить жизнь и надеяться.

2 блок — публицистика и философская проза («Окайанные дни» (1918–1919), «Эртель» (1929), «Освобождение Толстого» (1937). В «Окайанных днях» (1918–1919) непосредственно имя Наполеона появляется всего два раза. Тема Наполеона возникает в контексте рассуждений Бунина о сущности и причинах революций. Бунин в дневниковой форме фиксирует события первых пореволюционных лет, которые произвели на него страшное впечатление. Он видит в современных ему событиях возвращение Руси в состояние бесформенности, превращение ее в «разливанное море страшно несчастных, потерявший всякий образ человеческий», это мир поголовного хама и зверя¹⁰, где царит смерть («А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти»¹¹).

Размышляя о Февральской революции 1917 г., Бунин проводит аналогию с Великой французской революцией. Общее он видит в том, что революция по своей природе — это стихия, хотя идет она под лозунгами борьбы за свободу и права человека. Революция приводит к разгулу анархических инстинктов. Бунин цитирует слова Герцена, который отмечал, что попытка французов восстановить священные права людей и завоевать свободу обнаружила полное человеческое бессилие. Однако по мысли Герцена, явится «какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления»¹².

Затем он приводит слова самого Наполеона, в которых раскрывается идея иллюзорности борьбы за всеобщую свободу. По мнению Наполеона, сущность революции и сильного государства состоит в одном общем свойстве, присущем в целом человеческой природе —

честолюбии. («А сам Наполеон сказал: — Что сделало революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие. И каким прекрасным предлогом была для всех нас свобода!»¹³). Таким образом, Наполеон предстает здесь человеком, который прекратил разгул анархии, став своеобразным спасителем французского народа.

В 1929 г. имя Наполеона появляется в очерке «Эртель». Здесь Бунин, характеризуя Эртеля, без каких-либо оценок и комментариев приводит выдержки из автобиографии писателя. В частности, сообщается, что дед Эртеля был родом из берлинской бурггерской семьи, «юношей попал в армию Наполеона и под Смоленском был взят в плен, а затем увезен одним из русских офицеров в воронежскую деревню»¹⁴. Далее приводятся воспоминания Эртеля о детстве и юности, где он сообщает, что пользовался совершенной свободой делать, что угодно. К 13 годам он знал достаточно много книг различного содержания и, в частности, «Историю Наполеона» Поля Матье Лорана. Так, в данном очерке, с одной стороны, тема Наполеона опосредованно соотносится с темой русского народа: благодаря наполеоновской войне дед Эртеля оказался в России и начался путь семьи к русскому народу. С другой стороны, тема Наполеона связана с темой свободы, в частности, свободы чтения.

В религиозно-философском трактате «Освобождение Толстого» (1937), который является одним из ключевых произведений творчества Бунина, имя Наполеона появляется семь раз. Здесь данная тема возникает в связи с раскрытием Буниным мировоззрения Л. Толстого, но при этом выявляется и мировосприятие самого писателя.

В трактате разворачивается образ Наполеона из «Войны и мира», каким его понял и видит Бунин. Имя Наполеона здесь стоит рядом с именами Пьера Безухова, Андрея Болконского и самого Толстого, которые характеризуются как особенные люди. Бунин отмечает, что цель Толстого — разоблачить «мнимую высоту их положений и самооценок, лишить их „особенности“, показать на них, что сущность жизни вне временных и пространственных форм, смешать их с комарами и оленями...»¹⁵.

Примечательно, что Бунин не приводит характеристик Наполеона, данных в романе Толстого, представляющих натуралистическое описание тела императора, выявляющих его личностную ничтожность и низость, что так ужаснуло автора в романе Толстого (см. запись дневника от 1933 г.). Бунин акцентирует внимание только на тех эпизодах, связанных с появлением Наполеона, где на него смотрит раненый истекающий кровью князь Андрей, находящийся меж-

ду жизнью и смертью. С точки зрения Бунина, «наиболее заветной художественной идеей его [Л. Толстого] было <...> взять человека на его высшей мирской ступени (или возвести его на такую ступень) и, поставив его перед лицом смерти или какого-либо великого несчаствия, показать ему ничтожество всего земного, разоблачить его собственную мнимую высоту, его гордыню, самоуверенность...»¹⁶.

В этой связи Бунин предлагает выписки из романа Толстого, где Наполеон возникает перед князем на фоне далекого, высокого вечного неба, в сравнении с которым он кажется ему маленьким ничтожным человеком. Звук голоса Наполеона кажется князю Андрею жужжанием мухи. При этом, он понимает, что рядом с ним его кумир. («Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих»¹⁷).

Бунин приводит только одну фразу Наполеона из романа: «*Voilá une belle mort* (Какая прекрасная смерть), — сказал Наполеон, глядя на Болконского»¹⁸. Эти слова перекликаются в контексте трактата с размышлениями Бунина о единственной возможности преодолеть смерть: «... непрестанно молить Бога: „Отец, избавь меня от этой жизни! Отец, покори, изгони, уничтожь мою поганую плоть! Помоги, отец!“ — то есть: дай мне до конца победить смерть, властную над плотью, до конца изжить свою материальность —до конца «освободиться», слиться с тобой! Паки и паки искушает меня „дьявол“ (Мара, Смерть) прелестью плотского мира и все новых и новых зачатий и рождений в нем, — помоги, отец, в борьбе с ним!»¹⁹. Бунин отмечает, что «„знаменитое небо над аустерлицким полем“ первый порог „исхода“ из земного мира князя Андрея, его „освобождения“»²⁰. Фраза Наполеона в этой связи может рассматриваться как восприятие смерти на поле боя, как преодоление материальности, победа над смертью. Так как согласно представлениям Бунина, отраженным в трактате, плоть земного мира обречена на тлен, человек как часть мира — это «мясо», обреченное в военное время пушкам, а во все времена — смерти²¹. Так, у человека есть только два пути: стать плотью — «мясом», уготованным грязной смерти, или умереть на поле боя, став звериной, «оленьей» плотью²².

З блок — художественная проза (повесть «Суходол» (1911), рассказ «Ворон» (1944)). В художественных произведениях тема Наполеона возникает дважды. Один раз в повести 1911 г. «Суходол» и один раз в рассказе «Ворон» (1944), вошедшем в книгу «Темные аллеи».

В повести «Суходол» тема Наполеона реализуется в образе «французов бонапартишкных»²³, которых страшно боится один из обитателей Суходола — Петр Кириллыч, дедушка, именно для него большой черный образ Святого Меркурия Смоленского является заветным.

Образ «французов бонапартишкных» включается в мотивный и образно-тематический комплекс, формирующий образ опасного для человека мира, — «вечер», «тоска», «жуть», «тучки заходят», «Тропин лес», «смерть». Данный комплекс противопоставляется в тексте образно-мотивному комплексу «человеческого мира» — «много народа в доме», «аналой с зажженными на нем восковыми свечечками», «черный образ Меркурия», «смерть грешнику люта», «не зайдет солнце в гневе нашем», «безглавый Святой», «пятидесятый псалом»²⁴.

Таким образом, в контексте «французы бонапартишкины» предстают как враги, несущие смерть, от которых может защитить присутствие народа в доме, молитва, обращенная к образу Святого Меркурия Смоленского.

В рассказе «Ворон» имя Наполеона появляется всего два раза, однако выполняет важную структурообразующую функцию. В основе сюжета лежит любовный треугольник. Юноша приезжает в родной дом к отцу, где встречает юную и прекрасную няню своей младшей сестры, дочь бедного чиновника. Молодые люди влюбляются, однако отец, увидев их целующимися, изгоняет сына из дома, а затем сам женится на юной няне.

Повествование ведется от первого лица. Герой, сын чиновника, выступает и в роли участника событий. Таким образом, в рассказе представлена только его точка зрения. Причем, так как отец стал его соперником, а в дальнейшем мужем возлюбленной, он воспринимается молодым человеком негативно.

Имя «Наполеон» появляется уже в первом абзаце. Согласно теории актуального членения текста, в первом предложении, как правило, представляется тема, развертываемая в сюжете рассказа. Значимость данной темы для структуры произведения выявляется уже в том, что одновременно она выполняет в тексте несколько функций:

- во-первых, как имя собственное актуализирует информацию, носителем которой является. Так, в частности, антропонимы актуализируют тему времени. Имя Наполеон вводит аллюзии на эпоху романтизма, разрушения устоев отцов, сверхгероев, головокружительных и, казалось бы, невозможных взлетов с одной целью — достичь абсолютной индивидуальной свободы, завоевать мир, а затем падение, гибель;

— во-вторых, минимальная тема «Наполеон» включается в состав тропа-сравнения: «увидев однажды в „Ниве“ картинку, какуюто скалу и на ней Наполеона с его белым брюшком и лосинами, в черных коротких сапожках, я вдруг засмеялся от радости, вспомнив картинки в „Полярных путешествиях“ Богданова, — так похож показался мне Наполеон на пингвина»²⁵. Уподобление Наполеона пингвину выявляет его комичность, телесное несовершенство. Пингвин — это неповоротливая, несуразная, нелетающая птица. Такая характеристика наиболее ярко обнаруживает материальность, тяжесть и непривлекательность плоти. Внешний вид Наполеона и его необыкновенная судьба как бы дают юному герою надежду на возможность преодолеть, казалось бы, непреодолимое;

— в-третьих, минимальная тема «Наполеон» в составе сравнения включается в антитезу, другим членом которой выступает также сравнение «Отец мой похож на ворона»; «папа похож на ворона»²⁶. Если первая ассоциация («Наполеон — пингвин») вызывает у героя в детстве радостный смех, то вторая ассоциация («отец — ворон») сопровождается грустью. Данная антитеза организует структуру конфликта: столкновение двух линий, отца-ворона и Наполеона-пингвина.

Образ Наполеона-пингвина связан в тексте с темой сына и вводит в текст тему преодоления земной тяжелой плоти и земного круга бытия. На картинке мальчик видит Наполеона, стоящего на скале, словно готовящегося к полету, но пингвин может лететь только вниз.

Второй раз минимальная тема «Наполеон» предстает как название пасьянса («Наполеон»). Как известно, пасьянс — это раскладывание карт по определенным правилам, часто с целью гадания. Пасьянс также имеет успокаивающее воздействие, это своего рода медитация, временно отграничивающая человека от нынешнего мира. Существует несколько типов названия пасьянсов, в частности, пасьянсы с именами исторических личностей («Наполеон», «Мария Стюарт»). Такие названия возникли в связи с тем, что их любили раскладывать те, чьи имена они и получили.

В рассказе герой, сын, стремясь не слышать речей отца, раскладывает пасьянс «Наполеон». Как известно, этот пасьянс получил такое название, так как Наполеон на острове Святой Елены любил его раскладывать, стремясь узнать свою судьбу. По легенде, Наполеон как-то задал вопрос: «Скоро ли я умру?». Пасьянс показал, что скоро, и действительно, Наполеон в скором времени умер. Таким образом, название пасьянса вводит аллюзию не только на период жизни Наполеона на Святой Елене, но и тему смерти.

Таким образом, тема Наполеона появляется в творчестве Бунина всего несколько раз, она относится к редким темам. Наполеон у Бунина имеет амбивалентную семантику. Это необыкновенный человек, избранный, подобный Толстому, Андрею Болконскому, Пьеру Безухову, и самому Бунину, который остро чувствует обреченность, тленность всей плоти мира, рожденный с этими чувствами и с ними проживший всю жизнь.

Не случайно имя Наполеона соотнесено с созвездием. Это и символ войны, сильная рука, которая может обуздить анархию революции; человек, считающий свободу иллюзией, и только предлогом и оправданием политических событий. Наполеон сам является лучшим примером тяжести земной плоти и несовершенства земного человека, который, однако, всей своей судьбой стремится преодолеть эту материальность, «освободиться» от нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бунин И.А. Собр. Соч. В 11 т. Берлин: Петрополисъ, 1934–1936.

² Бунин И.А. Окаянные дни //Собр. соч. И.А. Бунина. В 11 т. Т. 10. Берлин: Петрополисъ, 1935.

³ Бунин И.А. Освобождение Толстого. Paris: YMCA-PRESS, 1937.

⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

⁵ Бунин И.А. Письма 1905–1919 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2007.

⁶ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. М. Грин: в 3 т. Посев, 1981. Т. II. С. 129.

⁷ Там же. С. 290

⁸ Там же. Т. III. С. 135.

⁹ Там же. С. 185.

¹⁰ Бунин И.А. Окаянные дни... С. 92.

¹¹ Там же. С. 78.

¹² Там же. С. 178.

¹³ Там же.

¹⁴ Бунин И.А. Эртель // Публицистика 1918–1953 гг. М.: ИМЛИ РАН, 1999. С. 288.

¹⁵ Бунин И.А. Освобождение Толстого. С. 43-44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 233.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 166.

²⁰ Там же. С. 231.

²¹ Там же. С. 167.

²² Там же.

²³ Бунин И.А. Суходол // Собрание сочинений И.А. Бунина: в 11 т. Т. 2. Берлин: Петрополись, 1934. С. 234.

²⁴ Там же. С. 234–235.

²⁵ Бунин И.А. Ворон // Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., Худ. лит-ра. 1966. С. 216.

²⁶ Там же.